

XXI XXII

серия

ПУТЬ
В БУДУЩЕЕ:
СИБИРЬ
ГЛАЗАМИ
УЧЁНЫХ

НОВЫЕ ПРОЕКТЫ ДЛЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

УДК 304.4:39(=512.212)
ББК 63.521(=65)
Н766

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ АО «ВОСТСИБНЕФТЕГАЗ» В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ
ГРАНТОВОГО ПРОЕКТА ПО ВЫПОЛНЕНИЮ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ «ВОЗРОЖДЕНИЕ ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКА»
THE REPORTED STUDY WAS FUNDED BY JSC EASTSIBOILGAS ACCORDING TO THE RESEARCH PROJECT:
«REVIVAL OF THE EVENK'S LANGUAGE»

Рецензенты:

М. В. Москалюк, доктор искусствоведения, профессор, ректор Красноярского государственного института искусств;

О. А. Карлова, доктор философских наук, генеральный директор Фонда возрождения Сибири

Авторский коллектив:

Н. П. Копцева (отв. ред.), А. Е. Амосов, М. И. Букова, Е. А. Евсеенко, Е. С. Ермилова, Ю. С. Замараева, В. И. Кирко, А. В. Кистова, М. А. Колесник, В. П. Кривоногов, Н. М. Либакова, В. С. Лузан, И. Е. Максимова, Е. В. Малахова, К. И. Петрова, Н. Н. Пименова, К. В. Резникова, Н. Н. Середкина, Е. А. Сертакова, А. А. Ситникова, М. Г. Смолина, Е. С. Стручева, А. И. Филько

Н766 **Новые проекты для возрождения эвенкийского языка и культуры** : монография / Н. П. Копцева (отв. ред.), А. Е. Амосов, М. И. Букова [и др.]. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2018. – 248 с. – (Серия «Путь в будущее. Сибирь глазами ученых»). ISBN 978-5-7638-3980-7

Издание представляет собой самостоятельное исследование в серии «Путь в будущее. Сибирь глазами ученых». Книга подготовлена на основе многолетних (2010–2018 гг.) полевых исследований, проведенных на территории Эвенкийского муниципального района Красноярского края.

Предназначена для этнологов, культурологов, лингвокультурологов, этносоциологов, регионоведов, людей, принимающих ответственные решения в этих областях, а также для всех, кто любит и ценит уникальные эвенкийские язык и культуру.

Для оформления книги использованы фотоматериалы полевых исследований, проведенных учеными и студентами Сибирского федерального университета на территории Эвенкийского муниципального района Красноярского края.
Фотограф - Павел Дугин.

УДК 304.4:39(=512.212)
ББК 63.521(=65)

ISBN 978-5-7638-3980-7

© Сибирский федеральный университет, 2018

Введение / 10

I СОЦИОЛИНГВИСТИКА И КЛЮЧЕВЫЕ КОНЦЕПТЫ ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА, ПРОЖИВАЮЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ / 13

- 1.1. Языковой коллектив – языковое сообщество – языковая общность / 15
- 1.2. Границы языка / 16
- 1.3. Разграничение языка и диалекта. / 17
- 1.4. Динамика языка / 18
- 1.5. Прогресс и регресс языка / 21
- 1.6. Языковой сдвиг и «смерть» языка / 21
- 1.7. Базовые концепты в эпосах коренных народов Севера и Сибири (Красноярский край) / 24

II ЭВЕНКИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ: ДИНАМИКА И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ / 33

III ЭВЕНКИЙСКИЙ ПИСЬМЕННЫЙ ЯЗЫК / 73

- 3.1. История создания эвенкийского письменного языка, словарей, учебников, учебных пособий / 75
- 3.2. Послереволюционный период языковой политики в СССР / 80
- 3.3. Второй период – со второй половины 1930-х годов / 84
- 3.4. Деятельность Г. М. Василевич / 87
- 3.5. Современное состояние эвенкийского языка в школах и детских садах / 95

IV ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЭВЕНКИИ И В ЭВЕНКИЙСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ШКОЛАХ В XX ВЕКЕ / 99

- 4.1. Концепция советского образования в 1920-1930-е годы для коренных малочисленных народов Севера / 101
- 4.2. Концепция советского образования в 1940-1950-е годы для коренных малочисленных народов Севера / 103
- 4.3. Концепция советского образования в 1960-1970-е годы для коренных малочисленных народов Севера / 103
- 4.4. Концепция советского образования в 1980-1990-е годы для коренных малочисленных народов Севера / 104

V СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМАТЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКА / 107

5.1. Проблематизация современной ситуации / 109

5.2. Динамика издания литературы на эвенкийском языке (конец XIX – первые десятилетия XXI века) / 112

5.3. Интернет-технологии
как современный формат
возрождения эвенкийского языка / 116

VI СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ ДЛЯ ЭВЕНКИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКА / 117

VII СИСТЕМА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА И МЕСТО В НЕМ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА РОДНЫХ ЯЗЫКАХ / 127

VIII АКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА РОДНЫХ ЯЗЫКАХ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ / 133

IX ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКЕ / 139

X СОВРЕМЕННЫЕ ПЕРЕВОДЫ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ЭВЕНКИЙСКИЙ ЯЗЫК, СДЕЛАННЫЕ НИНОЙ ПЕТРОВНОЙ ОЁГИР И НИНОЙ АЛЕКСЕЕВНОЙ КАЯНОВИЧ / 149

XI ПРАЗДНИЧНЫЙ КОСТЮМ СЫМСКО-КЕТСКИХ ЭВЕНКОВ / 159

11.1. Характеристика этнокультурной группы / 161

11.2. История изучения праздничного костюма сымско-кетских эвенков / 164

11.3. Общее описание костюма / 171

11.4. Кафтан / 174

11.5. Нагрудник / 181

11.6. Обувь / 186

11.7. Пояс / 188

11.8. Головной убор / 194

11.9. Наличие в музеях / 199

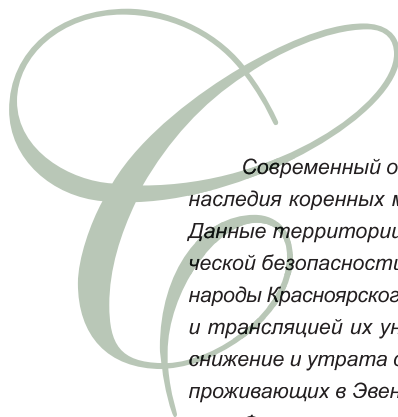
11.10. Технология изготовления / 200

11.11. Бытование / 215
Список иллюстраций к главе / 217
Заключение / 221

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / 223

ПРИЛОЖЕНИЕ Словарь терминов / 238

ВВЕДЕНИЕ

Современный опыт показывает, что процессы глобальных трансформаций ставят под вопрос сохранение культурного наследия коренных малочисленных народов, проживающих на северных и арктических территориях Российской Федерации. Данные территории переживают сейчас вторичную индустриализацию, что является важнейшим обеспечением стратегической безопасности нашего государства – как экономической, так и духовной. В настоящее время коренные малочисленные народы Красноярского края нуждаются в целенаправленной и рациональной государственной политике, связанной с сохранением и трансляцией их уникальной лингвистической культуры, их родных языков. Актуальной проблемой является постепенное снижение и утрата социокультурной жизнеспособности родных языков коренных малочисленных народов Красноярского края, проживающих в Эвенкийском муниципальном районе.

Факторы, которые сегодня активно влияют на жизнеспособность языков малочисленных народов Эвенкийского муниципального района:

- 1) число представителей этнокультурной группы и число людей, говорящих на родном языке данной этнокультурной группы;
- 2) распределение носителей языка по группам возрастов;
- 3) этнокультурный характер семейно-брачных отношений;
- 4) практики аккультурации и социализации;
- 5) пространство локального проживания данной этнокультурной группы;
- 6) межкультурные лингвистические коммуникации;
- 7) виды социальных коммуникаций, характерные для данного этноса;
- 8) этнокультурная идентичность и самоидентичность;
- 9) образовательные практики в школах;
- 10) государственная политика в области родных языков той или иной этнокультурной группы (Кибрик, 1992, с. 68-70).

Государственная политика в области сохранения родных языков этнокультурных групп коренных малочисленных народов может способствовать как уничтожению этих языков, так и возрождению. История языков знает и те, и другие примеры. В настоящее время ЮНЕСКО руководствует специально созданной классификацией языков, которые подвергаются рискам исчезновения.

Принято выделять следующие категории:

1) «неустойчивые» языки, для которых характерно то, что большее количество детей данной этнокультурной группы говорят на этом языке, однако сам язык используется лишь в ограниченных сферах жизнедеятельности этноса;

2) языки, «находящиеся в опасности», где дети данной этнокультурной группы перестали изучать язык как свой родной;

3) языки, «находящиеся в серьезной опасности» (их в качестве разговорного используют исключительно старшие поколения);

4) языки, переживающие критическое положение (на них разговаривают только пожилые люди);

5) языки, которые вот-вот полностью исчезнут.

При этом право на использование родного языка определено мировым сообществом как основное право человека вне зависимости от того, выражает ли использование данного языка принадлежность к социальному меньшинству или принадлежность к доминирующей социальной группе. Однако реализация данного права часто не подкрепляется соответствующей государственной политикой. Так, И. Г. Илишев пишет, что «государства довольно болезненно реагируют на перспективу воплощения данного принципа в жизнь, тем более, если речь идет о предоставлении народам полной независимости». Поэтому право выбирать самому язык для социальных коммуникаций реализуется в глобальном мире с большим трудом.

Таким образом, первый принцип государственной политики в области сохранения языков коренных малочисленных народов Севера – это взять на себя обязательство проводить позитивную государственную культурную политику в области родных языков представителей данных этнокультурных групп. Однако данный принцип невозможно осуществить без второго принципа успешной языковой государственной политики – наличия высокого ценностного отношения представителей данной этнокультурной группы о своей этнической принадлежности, то есть наличия процессов позитивной этнической идентификации и самоидентификации. Сохранение и дальнейшее процветание родных языков коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации напрямую связано с тем, является ли для конкретных представителей этих этнокультурных групп владение и использование этого языка самими людьми

и их детьми безусловной социальной, культурной и персональной ценностью. Необходимо отметить, что в ситуации глобальных трансформаций, которая связана с вторичной индустриализацией Эвенкийского муниципального района Красноярского края, культурная идентичность и самоидентичность коренных малочисленных народов стремительно разрушается. Их языки подвергаются активной этнокультурной коррозии.

В Сибирском федеральном университете и Красноярском государственном педагогическом университете им. В. П. Астафьева с 2010 года ежегодно проводятся полевые исследования коренных малочисленных народов Красноярского края, компактно здесь проживающих. Речь идет о следующих муниципалитетах: Туруханский район, Северо-Енисейский район, Эвенкийский муниципальный район, Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район.

Так, в течение 2010-2018 годов силами ученых, аспирантов, студентов данных университетов состоялись полевые исследования коренных малочисленных народов Красноярского края, к которым относятся этнокультурные группы эвенков, ненцев, долган, чулымцев, нганасан, селькупов, кетов, энцев, а нередко и якутов, проживающих на озере Ессей в Эвенкийском муниципальном районе.

Эти этнокультурные группы, по данным Всероссийской переписи 2010 года, имеют общую численность 16 266 человек: Отдельные этнокультурные группы коренных малочисленных народов Красноярского края в 2010 г. имели следующую численность: долганы – 5 810, эвенки – 4 372, ненцы – 3 633, чулымцы – 145, нганасаны – 807, селькупы – 281, кеты – 957, энцы – 221 человек.

В соответствии с названным ранее критерием – численностью представителей данной этнокультурной группы – уже можно отнести родные языки этих этнокультурных групп к языкам, как минимум находящимся в серьезной опасности, и как максимум – к исчезающим языкам. Для всех восьми этнокультурных групп – представителей коренных малочисленных народов Красноярского края – необходимо срочно применять меры целенаправленной государственной культурной политики в области сохранения родных языков, если поставить целью сохранение их уникальной культуры.

Данные демографических исследований коренных малочисленных народов Красноярского края профессора В. П. Кривоногова свидетельствуют о крайне опасной языковой ситуации в среде коренных малочисленных народов Краснояр-

ского края. Приведем в качестве примера критерий, связанные с тем, используют ли «материнский» язык дети коренных малочисленных народов Красноярского края. Дети (до 18 лет) долган – 32,1 % знают и говорят на долганском языке; дети кетов – 1,7 % знают и говорят на кетском языке; дети чулымцев (до 18 лет) вообще не знают и не говорят на чулымском языке; дети ненцев – 54,1 % знают и говорят на родном языке; дети нганасан – 47,6 % знают и владеют родным языком; 1,7 % детей энцев знают и говорят на родном языке; 51,1 % детей эвенков знают и владеют родным языком; данные по детям селькупов В. П. Кривоноговым не приводят. Однако в ходе полевых исследований, проведенных учеными и студентами Сибирского федерального университета в 2010 году в селе Фарково Туруханского района, где компактно проживают селькупы Красноярского края, свидетельствуют о том, что ситуация со знанием родного языка детей селькупов здесь крайне тяжелая.

Можно констатировать, что языки кетов, нганасан, чулымцев Красноярского края, селькупов сейчас в преддверии процессов исчезновения. Эвенкийский

язык находится в несколько другой ситуации. Число людей, которые полагают необходимым сохранять уникальное культурное наследие эвенкийского народа, постоянно растет. Среди них – представители органов государственной власти, органов местного самоуправления, бизнес-сообщества, ученые, педагоги, деятели культуры и искусства, активные люди и общественные организации. Предлагаемая вниманию читателя книга – результат совместной работы этих людей.

Авторы искренне благодарят за финансовую и моральную поддержку Акционерное общество «Востсибнефтегаз», которое занимается поддержкой проектов на территории Эвенкийского муниципального района, связанных с возрождением культуры и родного языка эвенков. Мы надеемся, что совместные усилия неравнодушных людей позволят не только сохранить эвенкийские культуру и язык, но и способствовать их активному распространению среди молодого поколения эвенков.

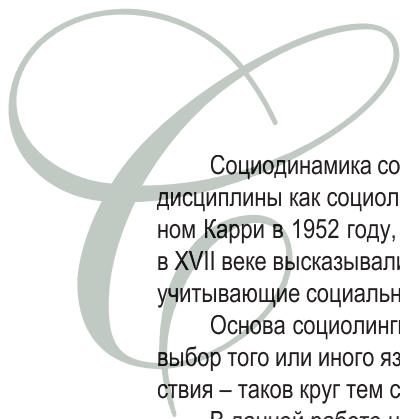

Глава

I

СОЦИОЛИНГВИСТИКА И КЛЮЧЕВЫЕ
КОНЦЕПТЫ ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА,
СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА,
ПРОЖИВАЮЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Социодинамика современных языков. Социодинамика современных языков является предметом изучения такой научной дисциплины как социолингвистика. Впервые термин «социолингвистика» был использован американским социологом Германом Карри в 1952 году, однако это не значит, что наука о связях общества и языка стала формироваться только тогда. Уже в XVII веке высказывались мысли о влиянии некоторых социальных факторов на язык (Гонсало де Корреас), а исследования, учитывающие социальную обусловленность языковых явлений, довольно активно велись с начала XX века (Ахманова, 1972).

Основа социолингвистики – отношения между языком и обществом. Связь эволюции языка с социальными факторами, выбор того или иного языкового варианта говорящим, освоение детьми основ коммуникации, языковые контакты и их последствия – таков круг тем социолингвистики – науки, изучающей язык и его отношение к обществу (Боргоякова, 2001).

В данной работе нас интересуют взгляды на язык, связанные с его существованием и функционированием в обществе, и на те изменения, которые происходят с ним под влиянием социоантропологических факторов и контактов с другими языками. Таким образом, здесь понятия, связанные с существованием и изменением языка, освещаются нами именно с позиции социолингвистики.

1.1. Языковой коллектив – языковое сообщество – языковая общность

Одним из ключевых для социолингвистики является понятие «языковое сообщество». Оно соотносится с такими терминами, как «языковой коллектив» и «языковая общность». В. И. Беликов и Л. П. Крысин предлагают следующее определение языкового сообщества – «это совокупность людей, объединённых общими социальными, экономическими, политическими и культурными связями и осуществляющих в повседневной жизни непосредственные и опосредованные контакты друг с другом и с разного рода социальными институтами при помощи одного языка или разных языков, распространённых в этой совокупности» (Беликов и Крысин, 2001, с. 19). Но люди, говорящие на одном языке, не всегда составляют языковое сообщество. Так, американцы и англичане не принадлежат одному сообществу, хотя и говорят по-английски. «Границы распространения языков, – пишут авторы, – очень часто не совпадают с политическими границами. <...> Поэтому при определении понятия «языковое сообщество» важно сочетание лингвистических и социальных признаков» (Беликов и Крысин, 2001, с. 20).

Фото 1. Поселок Суринда, Эвенкийский муниципальный район

Определение языкового сообщества, данное В. И. Беликовым и Л. П. Крысиным, очень близко к предложенному Л. Блумфилдом в монографии «Язык» (1933, рус. перевод – 1968) пониманию языкового коллектива. «Языковой коллектив» (speech community) – «это группа людей, взаимодействующих посредством речи» (Блумфильд). Иные виды связей (экономические, политические, культурные) в некоторой мере соотносятся с языковыми, но, по мнению Л. Блумфилда, редко совпадают с ними. Культурные особенности, как правило, распространены шире, чем языковые. Как пример учёный приводит ситуацию, бывшую в Северной Америке до прихода колонизаторов: каждое независимое племя индейцев имело собственный язык, составляя, таким образом, особый языковой коллектив, и также представляло собой отдельную политическую и экономическую единицу, но культура и религия сближали его с соседними племенами.

Аналогичную мысль высказывают Н. Б. Вахтин и Е. В. Головки в работе «Социоллингвистика и социология языка» (2004): «Границы этнической и языковой группы, как правило, не совпадают. В пределах одной этничности могут существовать разные языковые варианты, и, наоборот, на одном языке могут говорить разные этнические группы» (Вахтин и Головки, 2004, с. 37). Под языковым вариантом в лингвистике понимают разновидность языка, как правило, самостоятельно функционирующую. Самыми известными являются языковые варианты английского языка: британский английский, американский английский, австралийский английский. Н. Б. Вахтин и Е. В. Головки пишут: «В любом коллективе, даже небольшом, существует несколько языковых вариантов» (Там же, с. 39).

Однако противоположную мысль о соотношении границ языковых групп с политическими, экономическими и др. высказывает Ю. С. Маслов во «Введении в языкознание» (1987), который утверждает, что «в громадном большинстве случаев коллектив людей, говорящих на одном языке («языковая общность»), – это коллектив этнический (нация, народность, племя)» (Маслов).

1.2. Границы языка

Границы самого языка также весьма трудно определить, поскольку он часто существует в нескольких формах: литературный язык, обиходно-бытовой,

просторечие, территориальные диалекты, социолекты и т. д. Тем не менее лингвисты выделяют общее, образующее своего рода ядро языка. Ю. С. Маслов говорит следующее: «Язык коллектива (народа, нации <...>) не есть «научная фикция», вынужденное «усреднение» фактов индивидуальной речи. Он существует объективно, но только не как «непосредственная данность», а как общее, существующее в отдельном, как то, что вновь и вновь воспроизводится в речи, повторяясь в тысячах, миллионах и миллиардах высказываний, произносимых и воспринимаемых в соответствующем коллективе» (Маслов). Бесчисленное количество конкретных оригинальных высказываний, таким образом, объединено чем-то общим и инвариантным, что позволяет языку существовать как некоторая целостная система и что обуславливается «существованием людей, человеческих коллективов, пользующихся этим языком как средством общения» (Арутюнов, 1987, с. 99).

А младограмматики, напротив, отрицали существование какого-либо общего языка, полагая, что реален только язык отдельной личности. Аналогичное мнение было и у Бодуэна де Куртенэ: «Язык существует только в индивидуальных мозгах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество». Академик А. А. Шахматов придерживался тех же взглядов на существование языка, признавая общий язык «известной научной фикцией» (Цит. по: Гречко, 2003). А. А. Потебня утверждал реальность и общего, и «личного» языков, считая речь «реализованным фрагментом языка, достаточным для раскрытия необходимых возможных единиц» (Там же).

1.3. Разграничение языка и диалекта

По различным данным в мире существует от шести до шести с половиной тысяч языков. Такие колебания учёных связаны, прежде всего, с тем, что до сих пор однозначно не решено, что считать языком, а что диалектом, какими принципами руководствоваться. Ведь порой диалекты могут быть разработаны едва ли не лучше языка и функционировать на обширной территории. К тому же диалект может весьма сильно различаться с языком, вплоть до непонимания носителями диалекта речи носителей языка. А может быть обратная ситуация:

говорящие на разных языках понимают друг друга без посредников (датчане и норвежцы, сербы и хорваты и т.д.).

Существует несколько взглядов на такое разграничение.

Так, Н. Б. Мечковская (2001) полагает, что «статус языкового образования (т.е. языка, диалекта, арго, функционального стиля и т.п.), как и этнический статус некоторой общности людей, определяется самосознанием соответствующего коллектива. Языковое самосознание – это представление говорящих о том, на каком языке они говорят» (Мечковская, 2001). Именно самоопределение говорящих, по мысли исследовательницы, является более приоритетным по отношению к структурно-лингвистическому критерию. «Если коллектив говорящих считает родную речь отдельным языком, – пишет Н. Б. Мечковская, – отличным от языков всех соседей, значит, то, на чём данный коллектив говорит, – это отдельный самостоятельный язык. Соблюдая права человека, эту точку зрения должны принять и языковеды и политики» (Там же).

В. И. Беликов и Л. П. Крысин придерживаются такой же точки зрения, предлагая считать решающим в этом вопросе мнение самих носителей языка, однако они отмечают и наличие «объективных» показателей, к числу которых относят взаимопонятность, наличие престижного наддиалектного идиома (устного или письменного), а также политико-экономического процесса интеграции носителей родственных идиомов (Беликов и Крысин, 2001).

С. А. Арутюнов, касаясь проблемы соотношения языка и диалекта, также отмечает, что «нет достаточно чётких и корректных чисто лингвистических критериев, по которым можно было бы провести однозначное разделение между понятиями» (Арутюнов, 1987, с. 45), поэтому в каждом конкретном случае решающим оказывается осознание его характера массой его носителей. Например, любопытно, что грузины (люди, осознающие себя грузинами) как в Грузии, так и за её пределами говорят на различных диалектах и говорах грузинского языка, а также языках, отдалённо родственных грузинскому. И с лингвистической точки зрения, это особые языки, даже имеющие собственное диалектное членение, однако их носители осознают себя грузинами, какие-то специфические сферы эти языки не обслуживают, поэтому «с этносоциальной точки зрения их роль равна роли главных диалектов грузинского языка» (Арутюнов, 1987, с. 45).

А некоторые лингвисты, например Дж.И. Эдельман, вообще считают различие языка и диалекта незначимым. «При синхронном лингвистическом описании некоторой локальной лингвистической разновидности, при исследовании её истории или определении её генетической, типологической или даже ареальной отнесенности, – пишет Дж.И. Эдельман, – применение по отношению к ней терминов «язык» или «диалект» <...> практически безразлично: оно не является здесь квалификационным» (Цит. по: Беликов и Крысин, 2001, с. 91).

О. С. Ахманова пишет, что диалект принципиально отличается от языка тем, что он не самостоятелен. Диалект «находится в обязательной и неизбежной корреляции и взаимозависимости с другими диалектами» (Ахманова, 1972, с. 100) Таким образом, могут возникать «переходные случаи соотношения с прилегающими к нему смежными семиотическими системами» (Там же). Поэтому границы диалекта нечётки: один диалект плавно переходит в другой. Кроме того, диалект может перейти из состава одного языка в другой (например, некоторые датские диалекты стали диалектами английского языка), или даже стать самостоятельным языком (долганский язык изначально существовал как диалект якутского).

Что касается мнения западных лингвистов, то они в вопросе разграничения языка и диалекта в большинстве своём считают лингвистические признаки вторичными, главным выделяя самосознание народа (Алпатов, 2000, с. 196).

1.4. Динамика языка

Язык – главное средство общения между людьми. «Язык возникает, развивается и существует как социальный феномен. Его основное назначение заключается в том, чтобы обслуживать нужды человеческого общества и прежде всего обеспечить общение между членами большого или малого социального коллектива, а также функционирование коллективной памяти этого коллектива» (Сусов). Посредством языка осуществляется обмен информацией и выстраиваются межличностные отношения, язык отражает окружающую человека действительность и, следовательно, происходящие в ней изменения. Постепенное изменение – естественное состояние для языка. Динамика показывает, что язык жив и нормально развивается.

Б. А. Серебrenников в «Общем языкознании» (1970) отмечает, что языки не могут не меняться, поскольку в основе актов коммуникации лежит отражение человеком окружающей его действительности, которая сама находится в постоянном движении и развитии. Становление и совершенствование живого языка завершается вместе с его жизнью, то есть тогда, когда сам язык перестаёт существовать. Это постепенное и непрерывное изменение включает в себя не только перестройку и обновление в связи с прогрессом в обществе, но и усовершенствование языка, устранение противоречий и каких-либо изъянов и недостатков. Таким образом, некоторые изменения носят «терапевтический» характер для перестройки языковых механизмов.

Ю. В. Рождественский в «Лекциях по общему языкознанию» (1990) разделяет динамику языка на эволюцию, развитие и совершенствование. Эволюция и развитие в некотором смысле противопоставлены друг другу: при эволюции единицы языка изменяют свои фонетические (графические) и смысловые качества, но не происходит увеличения числа единиц или качественного усложнения их отношений, тогда как при развитии осуществляется и то и другое. Совершенствование языка противопоставлено первым двум процессам, поскольку изменяется и развивается язык не стихийно, а в результате воздействия человека (Рождественский, 1990).

Причины изменений можно разделить на несколько групп: внешние, связанные с воздействием на язык каких-либо явлений извне, и внутренние, связанные с устройством и функционированием самого языка. А. Мейе выделял три группы причин изменений, происходящих в языке: 1) структура языка (собственно лингвистические причины, связанные с устройством и функционированием); 2) условия существования языка (психические, физические, пространственные, социальные и другие факторы); 3) частные влияния других языков (языковые контакты).

Рассмотрим концепции языкового развития, где происходящие в языке изменения принято связывать с социальной структурой общества, в котором данный язык используется. Социолингвистика отличается чрезвычайно богатым разнообразием взглядов на социальные механизмы языковых изменений.

Е. Д. Поливанов, к примеру, считал, что «в развитии языка сложно взаимодействуют собственно языковые, внутренние, и внешние, социальные факторы» (Цит. по: Беликов и Крысин, 1991, с. 102). Общественные изменения,

Фото 2. Участники полевых исследований – студенты и аспиранты красноярских университетов

Фото 3-4. Эвенкия – северная земля

особенно резкие сдвиги, безусловно, оказывают на язык воздействие, но не следует переоценивать его масштабы. «Ход языкового развития Е. Д. Поливанов сравнивал с работой поршней паровоза. Подобно тому, как какой-либо общественный сдвиг не может заставить поршни двигаться не параллельно, а перпендикулярно рельсам, какой-либо фактор экономического или политического характера не может изменить направление фонетических и других процессов» (Там же). Социальные факторы влияют на язык опосредованно, например, качественно или количественно меняют состав носителей того или иного языка либо диалекта и, следовательно, видоизменяются и «отправные точки его эволюции». Е. Д. Поливанов оговаривает и степень влияния социальных факторов на язык: в большей степени ему подвержена лексика, в меньшей – морфология и синтаксис. Однако ученый отмечал, что «признание зависимости языка от жизни и эволюции общества вовсе не отменяет и не отрицает значения естественно-исторических «теорий эволюции» языка» (Там же, с. 101).

М. В. Панов – автор теории антиномий, получившей в 1960-е годы широкое распространение, – считал, что «в развитии языка ключевую роль играют постоянно действующие противоположные друг другу тенденции (антиномии), борьба которых и является движущим стимулом языкового развития» (Там же, с. 105). Всего он выделял четыре таких тенденции:

1. Антиномия говорящего (тенденция к редуцированным формам) и слушающего (тенденция к полным формам): редуцированные формы экономят усилия, а значит, весьма удобны говорящему, тогда как полные формы обеспечивают максимум информации, что упрощает процесс понимания, а значит, удобны слушающему.

2. Антиномия системы и нормы: с одной стороны, система разрешает употреблять всё, что не противоречит законам языка, с другой – существует норма, которая отбирает для использования лишь некоторые формы.

3. Антиномия кода и текста: меньшему набору единиц требуется более длинный текст, чтобы передать какой-то определённый смысл, и, наоборот, большему набору единиц требуется для той же цели короткий текст.

4. Антиномия регулярности и экспрессивности: информационная функция языка требует чёткого и однозначного словесного выражения мысли, а эмотивная функция апеллирует ко всем богатствам языка.

М. В. Панов полагает, что временное доминирование той или иной тенденции в любой из антиномий, так или иначе, связано с положением социальных групп в обществе. Например, изменение состава носителей русского литературного языка в 20-30-е годы XX века повлияло на произношение в сторону его буквализации: вместо старомосковского нормативного *було(шн)ая*, *смеял(са)* и *ти(хы)й* стали говорить *було(чн)ая*, *смеял(с'а)* и *ти(х'и)й*.

Крупную теорию языкового развития разработал американский лингвист У. Лабов. Согласно этой теории изменения в структуре языка не могут быть правильно поняты без учета сведений о языковом сообществе, которое пользуется этим языком. При исследовании изменений необходимо учитывать три аспекта: каким путём один этап изменения сменяется другим, в пределах какого непрерывного контекста это изменение происходит, и, наконец, как это изменение оценивается говорящими. Однако важен и социальный статус подгруппы, где происходит изменение: если она не занимает определённого положения в обществе, то изменение может быть не принято, начнётся реакция и обратный процесс в сторону нормы.

1.5. Прогресс и регресс языка

Несмотря на то, что динамика – признак жизнеспособности языка, любые изменения могут носить как прогрессивный, так и регрессивный характер. Прогрессивные изменения позволяют языку полноценно развиваться и, изменяясь, сохранять свою целостность и самобытность. Советская лингвистика, представленная, к примеру, работами Ю. Д. Дешериева, утверждала, что процесс развития языка должен быть неминуемо связан с языковым прогрессом, который понимался «как социальный продукт», то есть только тогда язык развивается прогрессивно, когда объём его общественных функций расширяется (Дешериев, 1977, с. 185-186).

Проблема прогресса в языке в разные эпохи трактовалась по-разному. Так, например, Ф. Бопп, Я. Гримм, А. Шлейхер, В. Гумбольдт, сравнивая древнеиндийский и современные европейские языки, пришли к мысли, что вся история языков – это постепенный упадок и оскудение. Другие же учёные наоборот по-

лагали, что в упрощении нет ничего плохого. Например, Отто Есперсен писал, что чем проще грамматический строй, тем совершеннее язык.

Часто определить характер языковых изменений возможно только *post factum*. Одно можно сказать однозначно – изменение тогда будет регрессивно, когда приближает язык к «смерти».

1.6. Языковой сдвиг и «смерть» языка

В отечественной лингвистике биологические термины применительно к языку («здоровые», «больные», «исчезающие», «мёртвые») впервые были использованы А. Е. Кибриком.

«Здоровые языки, – пишет А. Е. Кибрик, – способны к воспроизводству или даже расширению своего социального статуса, сферы действия, численности носителей, иными словами, они функционируют и развиваются нормально, они жизнеспособны. «Больные» языки находятся в той или иной стадии деградации» (Кибрик, 1992, с. 67). Их социальный статус постепенно снижается, уменьшается количество сфер деятельности и число носителей. Помимо социальных параметров на существование языка могут влиять и внутривидовые: устойчивость структуры языка к иноязычному влиянию, динамика развития лексикона и т. д.

Тяжесть «болезни» определяется степенью «продвинутойности языка к мертвой точке» (термин Н. Б. Мечковской). Перевод языков из разряда «живых» в «мёртвые» затрагивает, как правило, «коммуникативно слабые языки с несложившейся системой форм и стилей. Однако известны и примеры исчезновения языков с развитой литературной формой (латынь, санскрит). Таким образом, как внутренние, так и внешние регрессивные изменения опасны для языков» (Мечковская).

Н. Б. Мечковская в «Общем языкознании» отмечает, что очень часто исчезновение языков сравнивают «с исчезновением многих видов животных, растений, с экологическими катастрофами: вместе с умиранием сотен языков всё это – разные проявления нарастающего неблагополучия в мире. Вслед за «красными книгами» фауны и флоры появились «красные книги»

Фото 5. Руководитель полевых исследований профессор В. И. Кирко и житель поселка Суринда (Эвенкия)

языков. Вопрос о выживании «умирающих» языков стал основным на XV Международном лингвистическом конгрессе (1992 г., Канада)» (Мечковская, 2001, с. 124).

Проблема вымирания языков в настоящее время привлекает всё больше внимания, так как именно «сейчас пришло осознание того, что языковое разнообразие имеет такую же ценность для человеческой цивилизации, как биологическое разнообразие для природы» (Боргоякова, 2001).

Коммуникативно более сильный язык вытесняет более слабый, однако однозначного взгляда на то, что определяет мощь языка, нет. Н. Б. Вахтин и Е. В. Головки, например, считают, что «один язык, оказавшись в контакте с другим, более слабым, распространяется вширь и вытесняет его – просто потому, что его носители сильнее в политическом, военном или экономическом отношении. Д. Кристалл пишет о тесной связи между доминированием языка и культурной мощью: язык существует только в сознании, в устах его носителей. Когда они добиваются успеха – успешен и язык» (Вахтин и Головки, 2004, с. 111-112).

Как признаки коммуникативной мощи языка также выделяют наличие письменности, литературной формы и сформировавшейся системы стилей.

В некоторых случаях коммуникативная мощь может определяться числом носителей, и тогда говорят о мегаязыках, макроязыках, языках со средним числом носителей и языках малочисленных народностей.

Разделение языков на здоровые, больные, исчезающие и мёртвые не является единственным. М. Краусс (Там же) выделяет другие категории:

- умирающие (*moribund*): перестали выучиваться детьми как родные;
- находящиеся в опасности (*endangered*): если сохранятся существующие условия, не будут выучиваться детьми как родные в следующем столетии;
- находящиеся в безопасности (*safe*): дети будут выучивать их как родные в обозримом будущем.

Замена одного языка другим возможно только через ступень существования общества в состоянии двуязычия (либо многоязычия). На определённом этапе развития двуязычного общества языковой коллектив вынужден делать окончательный выбор: сохранить свой язык (*language maintenance*) или заменить один на другой (*language shift*). Отказ общности от исполь-

зования старого языка и переход на новый называется языковым сдвигом (Там же). Языковой сдвиг может быть медленным (сотни лет), быстрым (три-четыре поколения) и катастрофическим (одно-два поколения). «Часть лингвистов полагают, что билингвизм обязательно приведёт к деградации одного из языков или ассимиляции одного из них (чаще всего первичного)» (Бертагаев, 1972, с. 86).

В. М. Алпатов отмечает, что «языковые меньшинства всегда проходят один и тот же путь, состоящий из трёх этапов: преобладание национального одноязычия – преобладание двуязычия – преобладание одноязычия на языке большинства; последний этап завершается вымиранием языка. Обратное движение возможно лишь при изменении государственных границ и превращения меньшинства в большинство» (Алпатов, 2000, с. 203). Однако смена этих этапов может проходить с разной скоростью. «Последний этап перед окончательным исчезновением языков – ситуация языкового гетто, когда на языке говорят в отдельных деревнях, отдельных семьях и пр. <...> хотя жизнь в гетто может длиться десятилетиями и даже дольше» (Там же).

Причины, приводящие языковой коллектив к подобному отказу, весьма разнообразны: от «престижности» до насаждения другого языка насильственным путём, что происходило в конце 1950-х – начале 1960-х во всём мире (Южная Америка, Австралия, США, Канада, Крайний Север СССР), «когда местные власти в принудительном порядке забирали детей из семей в школы-интернаты, <...> в этих школах учились вместе дети разных национальностей, и единственным языком, общим у детей и между детьми и учителями, был государственный язык» (Вахтин и Головки, 2004, с. 121). R. Fesold считает, что «смена языка происходит лишь тогда, когда сама языковая группа желает отказаться от своей идентичности» (Алпатов, 2000, с. 203), но В. М. Алпатов полагает, что это не всегда так. Например, евреи в западных странах легко ассимилируются с местным населением в языковом отношении, но сохраняют свою национальную идентичность.

Выбор направления языкового развития зависит от этноязыковой жизнеспособности. Этот подход наметился в середине 1970-х годов и описывается при помощи трёх независимых социолингвистических переменных: статус (престижность группы и её языка в обществе), демография (число членов группы,

рождаемость, браки, иммиграционное и эмиграционное поведение) и институциональная поддержка (СМИ, образование, политика, культурная деятельность) (Вахтин и Головки, 2004, с. 125-126).

1.7. Базовые концепты в эпосах коренных народов Севера и Сибири (Красноярский край)

В Красноярском крае проживают восемь этносов, которые принято относить к коренным малочисленным народам: это долганы, кеты, нганасаны, ненцы, селькупы, чулымцы, эвенки, энцы. Часто говорят и о девятом этносе – о якутах: 72,5 % якутов, проживающих в Красноярском крае, компактно населяют поселок Ессей, расположенный на северо-востоке Эвенкийского муниципального района. Следовательно, речь далее пойдет об особенностях эпосов девяти обозначенных этносов, которые будут рассмотрены в алфавитном порядке.

Долганский эпос сочетает в себе признаки как русского влияния, так и якутского. Например, былины принято исполнять в виде песен, близких якутским олонхо. Русские заимствования прослеживаются, прежде всего, в составе действующих героев. Долганские олонхо и ырыалаак олонхо (с пением) исполнялись сказителями, считавшимися избранниками добрых духов, пользовавшихся особым почитанием. Сюжетика, композиция долганских олонхо близки олонхо якутов, в том числе и эссеиских. Герой долганского эпоса защищает людей среднего мира от богатырей абаасы, являющихся обитателями нижнего мира. Напрямую связана с эпосом как литературным жанром и эпическая долганская музыка, представленная индивидуальными песенными характеристиками отдельных персонажей олонхо. Напевы играют роль мелодической характеристики основных персонажей, также они призваны выделить наиболее значимые моменты в действиях героев.

Кетский эпос представлен, прежде всего, космогоническими сказаниями и мифами о происхождении мира и человека, о богатыре Бальнэ, о Альбэ, его борьбе с Хоседэм. Эпические сказания кетов принято разделять

на два больших блока: первый – сотворение мира, животных, людей; второй – существование созданного мира в прошлом, настоящем и будущем. У кетов зафиксированы двойные представления о появлении мира: это либо саморазвитие земли (вода и воздух изначальны), либо появление мира по воле творца. Творцу, положительному персонажу, противопоставляется отрицательное начало, этот антагонизм прослеживается и на более мелких уровнях иерархии. Так, верховному персонажу пантеона, богу, олицетворяющему небо, Есю противопоставляют Хоседэм – его жену, изгнанную им самим на землю, хозяйку мира умерших и Севера; подобно этому к положительным персонажам относят мифологического героя Альбэ и легендарного шамана Доху, к отрицательным – Доттет и других. Кетский эпос объясняет появление труднопроходимых речных порогов, кряжей действиями эпических героев. Так, с именем Альбэ связывают возникновение Енисея ниже Осиновских порогов и собственно самих порогов, скалистых островов. Олгыт со своей семьей обратился в порог на Подкаменной Тунгуске. Деятельности Хоседэм, спасавшейся от Альбэ, приписывают сотворение непригодных для проживания затопляемых островов вниз от Осиновских порогов.

Устройство мира, согласно мифологическим кетским воззрениям, имеет трехчастную структуру: это земля, обладающая срединным положением, окруженная водой («семью морями»); выше земли – семичастное небо образованное параллельными слоями, кругами или мысами, седьмой слой – небосвод; ниже земли – семь подземелий-пещер, представления о которых довольно расплывчаты. Средний мир населяют кеты (кынден), звери и птицы. Мир подземных обитателей представлен как мир мертвых и вредящих человеку существ. Небо видится обиталищем переселившихся с земли людей и животных, а также зимовьем для перелетных птиц. Общение между мирами осуществлялась шаманами, некоторые из которых специализировались на связи с нижним миром, другие – с верхним.

Считалось, что фрагментарное исполнение эпоса (отдельные сюжеты, речи героев) конкретными людьми в определенных обстоятельствах способно оказывать магическое воздействие на силы природы, в частности, оказывать помощь в традиционном промысле (установление нужной погоды, заговор добычи на попадание в руки охотников и рыболовов и др.).